

Елена Гуйда

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Елена Гуйда

Душа в подарок

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2020
 SARMA
&
«Издательство А.ЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Г93

Серия основана в 2011 году
Выпуск 530

Художник
С. А. Григорьев

Гуйда Е.

Г93 Душа в подарок: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020. — 280 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-3065-9

Заклучив договор с отцом и отправляясь в столицу на работу, Алиса вовсе не подозревала, во что влипнет. Скандал с вице-канцлером, активация его родового артефакта — карманных часов редкой работы и как результат очень странная связь душ с владельцем этого старинного украшения. Теперь нужно бы избавиться себя от счастья быть связанной с вице-канцлером. Но, как всегда, что-то где-то пошло не так...

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Елена Гуйда, 2020
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2020

ISBN 978-5-9922-3065-9

ГЛАВА 1

— Алиса! Ну присмотришься еще разок... — умоляюще протянул отец, почтенный лекарь Фейл сорока восьми лет от роду.

— О нет, папенька, увольте, — не сдавалась я. — Насмотрелась! На всю оставшуюся жизнь охоту к мужскому полу отбило. Вы уж меня простите, но нельзя же так сразу по неокрепшей девичьей психике. Я уже подумывала, как бы мне за фамильные драгоценности купить место в монастыре Вечного. Пожалели бы дочку!

— Алиса! — вскрикнул отец, вскочив с кресла, и попытался нависнуть надо мной своим авторитетом. Авторитету мешал стол и отсутствие физических нагрузок последние лет так... много. Отчего лысинка на макушке моего родителя вспотела и заблестела, как мой первый магический амулет.

Ну, может, шесть лет назад я бы глубоко впечатлилась, растерялась и выскочила б замуж. И даже не только за Альбертика, колупающего нос за обеденным столом и преданно глядящего на свою маменьку, но и за соседского козла. Ибо папенька есть закон.

Слава Вечному, шесть лет Академии артефакторов, лучшая подруга — дочь верховного судьи и жизнь студенческая в принципе всю эту дурь из моей головы выбили. И теперь я решительно не желала поступать вразрез со своими стремлениями и планами.

И пусть мое желание применять полученные знания и зарабатывать на этом деньги отец называл блажью, я отступать не собиралась. Все же у меня теперь за душой были не только матушкин медальон, пара колец и три платья, но еще и диплом специалиста. С отличием.

— Ну что вы так кричите, папенька?! У вас, помнится, от этого потом голова болит и несварение случается! — заботливо напомнила я, на всякий случай поднимаясь с кресла. Мало ли, может же так случиться, что папенька забудет про свой лишний вес и радикулит. — Но я решительно против того, чтобы зарывать свой талант в землю. Шесть лет в академии...

— Твоя мать этого не вынесла бы. — Отец выдохнул и плюхнулся назад в кресло, изобразив такую вселенскую скорбь, что даже фикус на подоконнике увял.

Это был удар в самое больное место.

Мама не стало, когда мне едва исполнилось десять лет. Но папа весьма своевременно мне о ней напомнил. Потому как он не знал или же просто запамятовал, что последними словами, которые она мне сказала, были: «Никогда не отступайся от мечты в угоду чужим планам!»

Знала бы мама... а может, и знала.

В семье не принято было вспоминать, что, выходя замуж, Эрика Ларс зарыла дар менталиста в семейных заботах, грязных пеленках и желании угодить любимому мужу. Потому что почтенной даме не пристало заниматься таким вызывающим ремеслом, как гадания и ковыряние в чужих мыслях. Мало ли что там можно наковырять.

И вот моя мама, дабы оставаться дамой приличной, всю свою жизнь старалась откреститься от своего дара и всего, что с ним связано. Что к тридцати годам и свело ее с ума. А после отправило на тот свет. Даже такой та-

лантливый врач, как папа, и маги из столицы ничего не смогли сделать.

Так вот: папенька, зная, как окончила жизнь его любимая супруга, мог бы и промолчать на сей счет.

Только сейчас я в полной мере осознала всю жертвенность ее поступка. Увы или к счастью, я сим недостатком не страдала.

Глубоко вдохнув, я отчетливо всхлипнула и пустила слезу. Это у меня вышло легко, даже не пришлось придумывать нужную сцену. Обстановка и тональность разговора способствовали.

— Моя мать не вынесла бы, если бы меня выдали замуж силой и заставили рожать детей и гулять с собаками. А в выходные принимать городских сплетниц, коих сама она на дух не переносила. И вы, папенька, очень вовремя вспомнили об обязательствах, которые ей давали непосредственно перед ее кончиной, — оберегать меня.

Я говорила спокойно, грустно и та-а-ак трагично... Отец побагровел. После побелел, но в конце просто судулся и откинулся на спинку кресла.

— Я же для тебя стараюсь, — устало сняв очки и протирая переносицу, бубнил он. — Что бы ты ни в чем не нуждалась. Жила в достатке, уюте, заботе...

— О! Избавьте меня от таких преимуществ. Я пока к ним не готова от слова «совсем». И я сама прекрасно могу о себе позаботиться. Еще раз смею напомнить вам, что не далее как семь дней назад получила диплом с печатью канцлера. И теперь могу работать по специальности.

Это было лишним, похоже.

Папенька хрустнул очками и ненавидяще взглянул на них, словно они назло ему сломались в самый неподходящий момент, вконец испортив настроение. А после уставился на меня так, словно я виновата и в том, что

сломались очки, и в том, что упали три башни на границе с Вирлендом летом прошлого года...

— Значит, работать по специальности? — как-то совсем уже нервно решил уточнить папа. — Значит, обеспечивать себя? Значит, самостоятельная?

— Папенька, вы снова кричите! У вас язва откроется от такого напряжения, — заметила я, пытаясь его немного успокоить, но, кажется, промахнулась. И потому малодушно начала отступать к двери.

— Значит, ты захотела сама распоряжаться своей жизнью, Алиса?! Хорошо! Я рад, что ты настолько выросла! — Вот только радости его голос не выражал ни капли. — Диплом артефактора, говоришь?! Да вас таких из академии только в этом году два десятка выпустили! Или ты думаешь, все мастерские империи ждут тебя с раскрытой дверью и мешками золота? Еще попробуй на работу устроиться...

Вообще, я очень рассчитывала на то, что папа мне откроет собственную малюсенькую мастерскую, где я буду работать в свое удовольствие и с прибылью для семейства. Но что-то мне подсказывало, что об этом сейчас не стоит даже заикаться. Нет так нет. Буду выкручиваться как умею.

— Неделя, Алиса! Я даю тебе ровно неделю для того, чтобы ты нашла себе работу и привезла мне документ с печатью и подписью. В котором будет черным по белому написано: «Принята на должность штатного артефактора». Не поломойки. Не продавца. А именно АРТЕФАКТОРА. Иначе ты пойдешь замуж, как и полагается нормальной девице двадцати годов.

О! Кажется, папа очень зол.

Ну и ладно. Можно подумать, я не найду работу за целую-то неделю...

— Папенька, я вас просто обожаю! Вы лучший папочка на всем белом свете! — Это я сказала от чистого

сердца. Как бы там ни было, но папу я любила. И прекрасно знала, что и он меня тоже, потому и заботится, пусть со своей точки зрения и вразрез моим планам. — Вот увидите! Уже завтра я буду официально трудоустроена с ежемесячным окладом. Обещаю!

Отец в это не очень поверил, но устало махнул рукой — мол, делай что хочешь и ступай куда душе угодно. Да так, что даже у меня проснулась совесть. Ненадолго! Так...

— Вот увидите, папенька, я еще смогу вас удивить!

— Главное, лишь бы не удавить, — мрачно пошутил отец. — А то с тебя станется!

Но это замечание я пропустила мимо ушей, подбежала, звонко чмокнула папу в щеку и опрометью вылетела из его кабинета. Вдруг передумает, не дай Вечный.

И только в своей комнате я позволила себе попрыгать, потанцевать и от души порадоваться!

А после вытащила из дорожной сумки небольшую брошь-артефакт и, потеряв, подумала о Стефане. Ну же! Откликнись!

— Алиса?! Рад слышать, — заговорила брошь красивым мужским голосом.

— А как я рада! Стефан, ты нужен мне как воздух! — чуть не полусшепотом поделилась я с собеседником.

— Лет шесть мечтаю это от тебя услышать, но почему-то сейчас мне немного страшновато...

— Стефан, помнишь, ты предлагал мне место мастера-артефактора в мастерской своего дяди? — проигнорировав его реплику, сразу перешла к сути моей проблемы. — Предложение еще в силе?

— Конечно. Для тебя это место вечно вакантно.

— Тогда жди. Послезавтра я буду в столице, — обрадовалась я доброму другу. — Только у меня к тебе просьба. Пришли приглашение с печатью и подписью. Папенька очень нервически относится к моей работе.

Утром следующего дня в окно малой столовой постучался вестник.

— Мэри, будь добра, посмотри, что там опять случилось? — не отрываясь от пытки пресной овсянкой, попросил отец.

К тому, что его прерывают во время завтрака, обеда и ужина, лекарь Фейл привык уже лет этак десять назад. И ранее он бы незамедлительно выяснил, что произошло, и побежал бы к больному. Но стоило впервые открыться язве, и папенька сразу же вспомнил о самочувствии. После этого жуткого случая он более не экспериментировал с состоянием своего организма в угоду чужому и никогда более не прерывал трапезы. Часто повторяя вслух, скорее для себя, чем для меня, что правильное питание и режим — залог здоровья и лучшая профилактика хронических болезней.

Чопорная дама средних лет с таким выражением лица, словно это она тут хозяйка, а мы нечаянно свалились на ее голову, прошествовала к окну и резко его распахнула, впуская в дом летний зной и небольшую, размером в две ладони, бумажную птичку.

Та сделала вираж под потолком, облетела вокруг уже слегка запылившейся хрустальной люстры и хлопнулась прямо напротив моей тарелки с точно такой же, как у отца, пресной овсянкой. Чем несказанно удивила папу. Я тоже для приличия сделала вид, что ничего не понимаю.

— Ну! Открой уже! — старательно маскируя интерес под раздражение, велел отец. — Терпеть не могу, когда меня прерывают.

Я осторожно коснулась птички пальцами, а та встрепнулась и заговорила мужским, чуть скрипучим и хриплым голосом, подтверждая, что изготовил ее именно Стефан. Курсе на пятом мы изобрели плетение, которое позволяло не только пересылать письма на дальние рас-

стояния, не страшась ни перехвата, ни того, что письмо размокнет или сторит, но и передавало звуковое сообщение.

— Уважаемая Алиса Фейл! Я, Оливер Санд, владелец мастерской артефактов «Оберег», что находится на улице Белых огней, дом восемнадцать, нашего славного Сальборна, смею пригласить вас пройти собеседование на должность мастера-артефактора по рекомендации ректора Академии артефакторов Филадельфия Тоена, с окладом восемьдесят золотых в месяц без учета сверхурочных и премий. Просьба: дать ответ в ближайшее время и не оставлять меня на произвол судьбы. Дата: десятое августа одна тысяча пятьсот седьмого года. Подпись».

«Паяц!» — мысленно заклеила я своего спасителя и перевела полный надежды и удивления взгляд на отца.

— Ты все это спланировала с самого начала, — укоризненно качая головой, сказал отец. Бросил взгляд в миску, поморщился и отодвинул ее подальше, решив, что от язвы с такой дочкой все равно не уберечься. — Устроила мне представление вчера.

— Что вы, папенька! Разве я могла?! Да и откуда мне было знать, что меня рекомендовал ректор? — невинно хлопая ресницами, лепетала я, изображая из себя польщенную и жутко счастливую молодую специалистку.

— Как же он вовремя тебя рекомендовал-то! Просто-таки чувствовал! — съязвил папа.

— Вот вы язвите все, язвите, а потом сами же и жалуетесь, — укоризненно покачала я головой. — Лучше бы порадовались за единственное дитя.

Отец на это кисло улыбнулся и снова подтянул к себе тарелку.

— Ну, мастера Санда я знаю, он человек хороший, ответственный... Но, видит Вечный, Алиса, я не хотел бы тебя отпускать туда одну.

— О! Я прожила шесть лет в академии!

— В *закрытой* академии, — поправил меня папа, повысив голос.

Ладно, пусть будет — в закрытой!

— И тем не менее... — последовав его примеру, вскрикнула и я, но после перевела дыхание и сказала уже более спокойным тоном: — Здесь всего пара часов тряски в карете... Папа, подумайте сами, ну что со мной может случиться такого, что вы так переживаете?

— Я не за тебя волнуюсь, а за столицу!

И я снова надулась.

Уже через три часа я сидела на собранном чемоданчике, который, к слову, на всякий случай не стала разбирать еще с академии. И с легкой грустью оглядывала свою комнату, которая так толком и не стала моей.

Ну... в принципе стала. Но она помнила маленькую девочку Лису, которая играла с куклами и собирала цветные камешки. Носила бантики и устраивала папеньке истерики из-за того, что не получала желаемого.

Впрочем, с тех пор не все изменилось. И даже не знаю, к добру или худу.

Я встала и подошла к небольшому столику, на котором стояла резная деревянная шкатулка. Откинула крышку. Да, они все еще хранились здесь, мои маленькие сокровища: камешки, стеклышки и засохший цветок, который мне подарил соседский мальчишка. Улыбка сама напознала на лицо.

А после осторожно взяла в руки небольшой портрет невероятно красивой женщины. С точеными чертами лица, большими карими глазами, благородной худобой. С изумительно красивыми каштановыми волосами, собранными на затылке в замысловатую прическу, украшенную мелкими маргаритками.

Ее взгляд... такой, словно она знала твою самую сокровенную тайну. Ох, мама.

Я взглянула в круглое настенное зеркало и попыталась изобразить этот взгляд.

Нет! Все время что-то не получается! А так все же девушка в зеркале — точная копия той, что на портрете. Только немного взбалмошная. Может, потому папенька и прощает мне совершенно все. Даже непослушание.

Я поправила шляпку и осторожно поставила портрет точно на прежнее место, где он и стоял.

И снова тяжело вздохнула.

Несмотря на то что этот дом вот уже шесть лет служил мне чем-то вроде летней резиденции для отдыха, каждый раз одинаково сложно было прощаться с родными стенами.

О Вечный! Ну вот с чего я снова так раскисла?

Вцепившись в ручку чемоданчика, облегченного особым плетением до веса обычной дамской сумочки, я двинулась к выходу.

Легко сбежала по широкой лестнице и мягко улыбнулась поджидающему и нервно переминающемуся с ноги на ногу папеньке.

— Алиса, я тебя умоляю, не встрянь ни в какие неприятности, — стонал папенька у выхода из дома, набивая трубку дорогим южным табаком только для того, чтобы потом снова ее вытряхнуть. — Я не переживу, если с тобой что-то случится...

— Папа, вы причитаете так, словно в стан врага меня отправляете. Ну что со мной может случиться?

— Ох, Лисочка, — вздохнул отец, и я заметила грусть и искреннее беспокойство в его глазах.

И тут же, расчувствовавшись, порывисто обняла папу, уронив чемодан.

— Я обещаю вам, что буду примерно себя вести, работать, чтобы прославить ваше имя, и обязательно с первой полочки куплю вам свейнских сладостей, которые вы так любите. Я много слышала о столичных мас-

терах-кондитерах. Не грустите, вы разрываете мне сердце. Вот увидите, не пройдет и месяца, как я приеду к вам погостить и поделиться свежими столичными сплетнями.

Отец кивнул, звучно чмокнул меня в щеку и начертил в воздухе защитный знак Вечного. Вот верно говорят, в моменты тревог и атеист уверует. Помнится, папа никогда особо не верил в богов. И снова сердце сжалось от осознания очередного скорого расставания. Но я заставила себя улыбнуться:

— И, папа, прошу вас, обратите наконец внимание на мистрис Алей. Она уже перевела полсостояния на драгоценности, белила, услуги мастера красоты и платья. Пожалейте если не ее, то хоть городских модниц. Они уже ночуют под дверью салона, дабы успеть раньше ее. А вы все так же упорно делаете вид, что она вам неинтересна!

— Алиса! — снова взвился папенька, но тут же успокоился, наткнувшись на мою невинную улыбку и самый открытый взгляд, на который я была способна. — Ты просто невыносима.

— Я помню, папенька! Вы мне уже об этом говорили, и не раз.

Чуть позже, трясясь в арендованном специально для этой поездки экипаже, я все же дала волю слезам.

Как бы там ни было, но снова расставаться с домом, с папой — это как в который раз расставаться с детством, беззаботностью. Снова вырастать.

Но и выходить замуж за первого встречного я все же не готова.

А вот применять свои знания на практике — очень даже.

Я достала из дамского саквояжа конспект и принялась листать то, что у меня и так от зубов отскакивало.

Буквы прыгали в разные стороны, на ухабах и вовсе разлетались, потому мне быстро надоела игра в разгадывание своего же почерка, и конспект был отложен до лучшей дороги. И за неимением другого занятия я просто уснула под мерный стук колес.

ГЛАВА 2

— Удачи, юная мисс, — чуть приподняв шляпу, пожелал мне извозчик, вручив мне мой чемоданчик, и снова вскочил на козлы.

— Благодарю! И вам удачного дня, — улыбнулась я в ответ и снова приклеилась взглядом к огромной, мерцающей золотистым светом вывеске с выведенной вензелями надписью «Оберег». Чуть ниже мерцала точно такая же по стилю, но меньшего размера табличка с названием улицы и номером дома.

И все же я медлила.

Ох, как все-таки волнительно в первый раз устраиваться на работу. Хотя в принципе я прекрасно понимаю, что меня уже приняли. Но все же...

Мастера Санда я не знала лично. А по рассказам Стефана, он был весьма экстраординарной и специфической личностью, для которой первое и самое главное место в жизни всегда занимала его работа. Именно поэтому он так и не обзавелся семьей, зато сделал себе имя, которое знает чуть не каждый житель столицы и которое отождествляется с самыми качественными и дорогими артефактами и амулетами.

За место мастера в мастерской «Оберег» чуть не любой выпускник Академии артефакторов продал бы душу. И в том, что меня приняли сюда на работу, сыграло роль вовсе не ходатайство Стефана, а скорее и правда рекомендация ректора, характеристика из ака-

демии, отзывы преподавателей и список моих достижений за период учебы. Вот это более похоже на правду. Но все равно я безмерно благодарна сокурснику, что он обратил внимание своего дяди на мою персону.

— Мисс, вы долго собираетесь здесь стоять? — поинтересовались за моей спиной молодым красивым мужским голосом.

— Стефан! — воскликнула я, еще не обернувшись, но уже интуитивно чувствуя его присутствие. И уже оглянувшись, обняла его и чмокнула в щеку, мгновенно всучив свой, пусть и легкий, чемоданчик. — Такое впечатление, что не две недели, а целую вечность не виделись. Ты однозначно постарел. Мне кажется, я вижу седые волосы на висках... — шутливо ужаснулась я.

На деле он выглядел превосходно, чего не скажешь обо мне, протрясшейся весь день в экипаже. Идеально отутюженный костюм темно-синего цвета из каталогов новинок столичной моды прекрасно подходил к цвету его глаз. Светлые волосы уложены. И даже белый платочек в нагрудном кармане не помялся. Создавалось впечатление, что он сутки готовился к встрече, чтобы сразить меня с первого взгляда. Но мы давно знакомы, и я знала — так он выглядит всегда. Даже если это стоит ему не только завтрака, но и утреннего кофе.

— Если бы это сказал я, ты бы не разговаривала со мной до конца дней моих, — улыбнулся Стефан. — Ты невероятно прекрасна... Как всегда, впрочем.

— Льстец! — хлопнула я его по руке. — Но продолжай в том же духе. Мне нравится.

— Готова к работе?! — улыбнулся Стефан, подставив мне локоть, за который я мгновенно уцепилась.

— Жутко волнуюсь. Просто настолько... точно перед экзаменом по сопротивлению металлов. Это же такой

шанс! Это... Вечный, а если мастер Санд сочтет меня неподходящей кандидатурой на это место?

— Прекрати истерику. Это на тебя совершенно не похоже. И об экзамене... Помнится, ты блестяще его сдала. Кажется, даже материал знала лучше, чем профессор Гаринг.

— И это не помешало мне выпить месячный запас успокоительного, — чуть смутившись, призналась я.

— О! А я все думал, отчего тебя время от времени тянуло рифмовать ответы на дополнительные вопросы, — попытался разрядить обстановку Стефан.

И это у него получилось.

Правда же, я одна из лучших выпускниц этого года. Если кому-то и может достаться вакантное место, то лучше кандидатуры мастер Санд не подберет.

Но стоило прозвенеть колокольчику над входной дверью, как я снова забеспокоилась. Все-таки нужно было принять успокоительное. Но уже поздно, к тому же не хотелось бы рифмовать ответы на вопросы, проходя собеседование всей моей жизни. Это профессор Гаринг мне мог простить все, включая такое вопиющее поведение. А здесь...

Впрочем, как говорила преподаватель литературы мистрис Флеминг: «В любой, даже волнительной или не очень приятной ситуации оставайтесь уверенными в себе. И никогда не опускайте подбородок, это добавляет вам уныния и лет».

Именно поэтому я, вздернув нос, изобразила из себя бесконечно уверенную в своих силах молодую специалистку. И все равно не смогла сдержать восхищенного вздоха, едва попала в большой зал, где в стеклянных витринах высотой в два человеческих роста ровными рядами выстроились самые разнообразные артефакты, амулеты и просто красивые поделки.

Свет подвесных маленьких люстр и даже мелких витринных лампочек был выставлен таким образом, что мне показалось в первый миг, будто я попала в пещеру с драконьим золотом. Сверкание начищенных до блеска металлов и драгоценных камней отражалось в огромных зеркалах, заменяющих здесь стены, и приводило в восторг любую, даже совершенно несведущую в артефакторике, столичную модницу. О чем свидетельствовал блеск в глазах посетительниц и немного обреченный вид их спутников.

Соответственно и подбирались амулеты и артефакты не по мастерству плетения или особым свойствам, а чаще под цвет глаз или к платью. И только некоторые покупатели дотошно расспрашивали вышколенных продавцов об исключительных особенностях приобретаемых драгоценностей.

— Нам сюда! — увлек меня в сторону арочного прохода Стефан, тайком улыбаясь моей реакцией.

Меня его насмешка ничуть не смущала. Побывать в мастерской мастера Санда — моя мечта с того самого дня, как нам делали экскурс по профессии. Конечно, иллюзорный. И сейчас я четко понимала, что ни одна, даже невероятно качественная иллюзия не сравнится с оригиналом.

О! Только бы меня приняли! Только бы все сложилось!

Длинная светлая галерея вывела нас в зал поменьше, но гораздо более уютный. Низкие круглые журнальные столики. Вокруг них — мягкие кресла и диваны. А у стен — стеллажи с заготовками. Много света, что немало важно при нашем роде деятельности, благодаря огромным окнам и индивидуальным светильникам, которые спускались с потолка и нависали над каждым столом.

— Здесь мы принимаем заказы на особые артефакты и от особых людей, — не скрывая гордости, пояснял Стефан. — В основном это столичные вельможи, аристократы и просто невероятно богатые люди, способные позволить себе такую роскошь. А иногда даже члены правящей династии... С уверенностью могу сказать, что работа здесь — неплохая возможность обзавестись нужными и полезными знакомствами.

Сложно спорить, когда в пример тебе приводят членов монаршей семьи.

Из боковой двери вылетел невысокий сутулый старик со взъерошенными седыми волосами, в совершенно посредственном коричневом костюме моды не просто прошлого сезона, а похоже, прошлого века. В маленьких очках с круглыми линзами, непонятно как державшихся на кончике острого носа.

Совершенно проигнорировав наши замершие в недоумении персоны, дедушка пробежал к одному из стеллажей, провел пальцем по полке и, проворчав что-то неразборчивое себе под нос, взял заготовку и тут же направился обратно.

Я проводила его взглядом, не скрывая удивления. Как странно все же здесь встречают посетителей.

Вполне возможно, он так и не обратил бы на нас внимания, если бы Стефан не откашлялся и не обронил вежливое:

— Хорошей работы, дядюшка!

— Да-да! — кивнул на это, как оказалось, мастер Санд, даже не оглянувшись на племянника.

Как-то я его не так себе представляла. Более... солидным, что ли?

— Дядюшка, прибыла Алисия Фейл. Вы помните, я рассказывал вам о ней.

Только теперь владелец мастерской и, надеюсь, мой будущий работодатель оглянулся и в упор посмотрел на меня, поправив очки.

А вот взгляд серых маленьких глаз был острым, пронизывающим и оценивающим. Впрочем, как и у любого артефактора. Думаю, что мой взгляд мастеру Санду показался точно таким же.

Я мысленно кольнула себя шпилькой в бедро, как посоветовала бы сделать мистрис Флеминг, вздернула подбородок и мягко улыбнулась. Улыбка — лучшее начало любых отношений, в частности рабочих.

— А! Юное дарование, — расплылся мастер в улыбке, блеснув неожиданно ровными белыми зубами, что в принципе для его возраста удивительно. — Да-да! Я изучил ваши рекомендации из академии. Впечатляет. — Я счастливо улыбнулась не только от похвалы настолько авторитетного коллеги, но и оттого, что моя догадка оказалась верна и меня все же рекомендовал не Стефан. Ну или не только Стефан.

Кажется, он тоже осознал, что дядя его выдал, сломав коварные планы одной фразой, и теперь сыграть на чувстве долга не получится. Впрочем, и так бы не получилось. Слишком много он сам задолжал мне за эти шесть лет. Гораздо больше, чем я ему, так что зря Стефан чего-то от меня ожидает.

— Думаю, вас не так легко впечатлить, мастер Санд. Да и вряд ли это удастся вчерашней выпускнице академии.

— Не скажите, мисс Фейл. Я безнадежно развежился и совершенно забыл, что артефакт или амулет — это не обязательно дорогие металлы и баснословной цены камни. Это еще и магия, плетения... точнее, в первую очередь магия и изобретательность. Ваши плетения — ювелирная работа. И даже имеют свой особый женский шарм...

— Благодарю...

— Не стоит, вы напоминаете мне мою молодость. Поэтому, похоже, благодарить должен я.

На это я не нашлась что ответить, потому решила просто мило улыбаться, по рекомендации все той же мистрис Флеминг.

— Я была очень удивлена, получив ваше приглашение...

— Так уж удивлены? — насмешливо поинтересовался мастер. — Насколько я знаю, вы неплохо сдружились с моим немного непутевым племянником. Он, к слову, тоже о вас замолвил словечко. Но, впрочем, я рад. Пока вы на испытательном сроке. Оклад указан в приглашении, а вот остальные надбавки пока для вас недоступны. До тех самых пор, пока мы с вами не подпишем договор. Да-да! Стефан, покажи мисс ее рабочее место. И да, я так понимаю, остановиться вам совершенно негде. Пока не найдете подходящее жилье — на втором этаже имеются служебные апартаменты для персонала. Можете занять любые из них. Там все равно никто не живет.

Подозреваю, что жителей там как раз полным-полно — мыши, клопы, пауки и тараканы. Но деваться особо некуда. Потому я вежливо улыбнулась и ответила так, как ответила бы любая воспитанная девица двадцати годов от роду:

— О, благодарю сердечно! Это будет очень кстати, — про себя решив обязательно заняться поиском подходящего жилья.

Хотя... если припомнить, какие указывают в журналах цены на жилье в столице, папенькиных двухсот золотых хватит ненадолго, учитывая, что оплату владельцы жилья предпочитают брать на два, а то и на три месяца вперед.

— Да-да! — кивнул мастер Санд. Он протянул мне руку и с удивлением заметил зажатую в ней заготовку. — Вот черт! Прошу прощения, мисс Фейл. Дела. Работа. Осваивайтесь и, если что, не стесняйтесь спрашивать.

— Конечно...

Но ответную фразу мастер уже не слушал. Он снова подбежал к стеллажу, поставил на место выбранную ранее заготовку и взял более подходящую, на его взгляд.

И, даже не оглянувшись, скрылся за той самой дверью, из-за которой не так давно показался.

— Он чудаковат, но безгранично добр, — сказал Стефан, увлекая меня к точно такой же двери чуть дальше по коридору.

На ней красовалась пустая золоченая табличка и чуть ниже — еще одна, с выведенным числом «пятнадцать».

— Это будет твоя мастерская. — Стефан кивнул на ту самую дверь, и я закусила губу, стараясь сдержать восторг. Ох, моя собственная мастерская! Пусть всего лишь комнатка, но — мое собственное место в огромной корпорации! — Здесь у каждого артефактора отдельные комнаты. Не то что лаборатории в академии. Это сделано специально, чтобы никто не отвлекал мастеров. Можешь спрашивать совета в любое время, но работать тебе вряд ли кто станет мешать. Прикоснись к ручке и назови свои имя и фамилию.

Какая прелесть все же.

— Алиса Фейл, — представилась я двери в свою будущую маленькую мастерскую, стараясь изо всех сил сдерживать ликование и нетерпение.

По двери от ручки разбежались, словно роса по паутине, золотистые искры, и фирменными вензелями вы-

велась на пустующей табличке надпись: «Алиса Фейл. Стажер».

Невероятно! Просто невероятно! Я, конечно, много слышала о защитных плетениях и системе безопасности мастерской «Оберег», но все равно не была готова увидеть ее в работе.

— Осмотрись, но недолго. Думаю, что к работе тебя все равно допустят только завтра. После того как твое рабочее место настроят лично под тебя. И тебе следует отдохнуть с дороги.

— О! О чем ты вообще говоришь?! Я проспала четыре часа, трясясь в карете! Теперь просто не смогу себя заставить уснуть снова. И у меня уже руки чешутся от нетерпения начать работу.

— В таком случае я решительно настроен не впускать тебя в мастерскую. Или ты свалишься с ног, а я буду вынужден принять весь гнев твоего отца на себя. Пожалей меня...

— Зануда! — в который раз вынесла я приговор своему доброму другу. — Но, наверное, ты прав. Мне стоит распаковать вещи, принять ванну и немного отдохнуть. А уже после...

— А после нам придется нанимать еще одного работника, обязанностью которого будет напоминать тебе о необходимости обедать и спать.

— Стефан! А разве нет такого человека, который напоминает тебе об обязанности работать? Я уверена, он смог бы совмещать обе должности.

— Туше! — рассмеялся мой бывший сокурсник, а теперь, кажется, будущий коллега. Остановился у подножия лестницы, не преступая правил приличия. — Поднимешься по лестнице и выберешь себе любую комнату. Принцип поселения точно такой же, как и определение своего рабочего кабинета. И тоже выбирать можно лишь раз. Комнаты все безликие и одинаковые, но быст-

ро подстраиваются под хозяина. Это какая-то экспериментальная разработка дяди. Нечто вроде невидимого слуги. Я так и не разобрался в плетении. Слишком для меня сложно, по-видимому.

— О! Уже мечтаю увидеть.

— Небольшая хрустальная полусфера на комод. Можешь разглядывать сколько угодно.

Я улыбнулась, едва сдерживаясь, чтобы не сорваться на бег и не опозориться абсолютно и безнадежно.

— Хорошего отдыха! Я вечером найду за тобой, сходим поужинать куда-нибудь. Отметим твой приезд в столицу... — изобразив обаятельную улыбку, которой намеревался — уже не первый год! — сразить меня наповал, предложил Стефан.

Ох, кажется, он так и не оставил своей идеи меня за кадрить. Ну и ладно. Я шесть лет успешно сопротивлялась его обаянию. Справлюсь и теперь.

— Да, конечно! — согласилась я, уже стора от нетерпения увидеть новое изобретение мастера Санда. — А тебе — хорошей работы!

Я вцепилась в ручку своего чемоданчика и, убедившись, что Стефан отправился по собственным делам, все же побежала вверх по ступеням, вылетела в коридор и на миг замерла.

Ох, и что же дальше?! Я прошла в самый конец к двери с надписью «Выход во двор» и, открыв ее, обнаружила ступеньки вниз. Видимо, чтобы жильцы могли спокойно выходить по своим делам, не шастая по мастерской в нерабочее время.

Обратно по коридору я шла медленно. Даже зная, что все комнаты одинаковы, выбирала самую подходящую дверь. Но, осознав всю глупость своего поведения, развернулась к первой двери справа и без промедления положила ладонь на ручку.

Опять эти золотистые искры, в этот раз ничего особенного на табличке не появилось, просто инициалы — «АФ».

И хотя я понимала, что мой страх по поводу мышей и тараканов совершенно безоснователен, все равно входила с опаской.

А зря.

Апартаменты для сотрудников были на порядок лучше, чем моя комната в родительском доме.

Здесь было все, что может понадобиться даже очень требовательному человеку, и даже больше.

Апартаменты состояли из зала, спальни, маленькой столовой с холодильным шкафом и небольшой плитой и ванной комнаты.

Гардеробную успешно мог заменить шкаф. А на комод и правда находилась прозрачная полусфера. Время от времени по ней пробегали разноцветные огоньки, и я, поставив чемоданчик и достав из сумочки небольшие очки, почти как и у мастера Санда, только попроще, медленно, словно к святыне, приблизилась к комоду. Невероятно...

Я присмотрелась к плетению.

Какое же чудо! Ювелирность исполнения. Пересечение потоков, закрепляющие узлы — все это создавало чрезвычайно тонкую и прочную структуру... Я просто забыла, как дышать. Ах, вот эта нить отвечает за контроль температуры в помещении. А эта — за безопасность и распознавание ауры владельца. И еще десятка три, а то и четыре функций, которые мне хотелось бы исследовать. Превосходная работа!

Я нехотя оторвалась от артефакта, сняла очки и, раскинув руки, упала на застеленный бежевым покрывалом диван.

О Вечный! Как все-таки здорово, как замечательно!

Обязательно нужно связаться с Кейтлин и все ей рассказать.

ГЛАВА 3

— Я так за тебя рада! — взвизгнула Кейт по ту сторону связи. — Нам обязательно нужно встретиться. В самое ближайшее время. Мне просто необходимо все это услышать вживую! Иначе я непременно сойду с ума, додумывая все нюансы.

— Не уверена, что смогу. Все же первые дни на новой работе. Хотелось бы освоиться и разобраться, что к чему. К тому же у меня уже есть кое-какие планы.

— Да и я сейчас по горло занята. Отец меня пришибет на месте, если я снова сбегу по своим делам... — тут же погрузнев, тяжело вздохнула Кейт. — У меня так и не получилось разработать для него артефакт, с помощью которого можно отличать подлинные документы от фальшивок. Лис, только сейчас понимаю, что занятия артефакторикой — точно не мое. Скорее я предпочла бы разрабатывать новые модели платьев. К слову, ты уже знаешь, что с моей подачи в столице теперь модно украшать женские шляпки брошками в виде фруктовых гроздей?

— Понятия не имею. Я всего несколько часов в городе, и все, что видела, — наемный экипаж и витрины мастерской...

— И что, там не было ни одной дамы? — ехидно поинтересовалась подруга.

— Ну почему же? Были, конечно...

— ...но ты просто не обратила внимания, — угадала Кейт. Что неудивительно, она меня очень хорошо знала. — Кто бы сомневался. Совершенно в твоём стиле. И я окончательно утвердилась в мысли, что ближе к выходным нам обязательно нужно встретиться и обновить твой гардероб.

— Не представляю, как с тобой спорить! — рассмеялась в ответ я.

— Потому что не надо. Ой, черт! Папенька вернулся и сейчас будет снова пытаться меня на предмет результата моей работы. Я свяжусь с тобой позже. И на выходной ничего не планирую. Я пришлю «птичку».

— Да! Удачи! — ответила я и бросила брошь на диван рядом.

На журнальном столике дымилась чашка с утренним кофе и исходили бесподобными ароматами свежей выпечки круассаны с шоколадом. В распахнутое окно влетал напитанный утренней прохладой ветерок вместе с выкриками извозчиков и другими звуками большого города.

Как непривычно все же.

Шесть лет в закрытой академии отучили меня не только от шума и гама. Хотя, казалось бы, дети и гам неразлучны. Но это никоим образом не касалось нашего учебного заведения, где шум был нонсенсом, а не нормой.

Но не суть!

Сегодня мой первый рабочий день...

В дверь постучались, и я поднялась, чтобы открыть.

— Доброе утро! — поздоровался, пряча взгляд, Стефан.

— И тебе! Я почти готова. Кофе?

Он криво улыбнулся, но так и не переступил порог. Это тоже результат жизни в академии, где сурово запрещено не только входить в девичьи комнаты, но и подниматься в нашу часть общежития. Правила конечно же придерживались не все, но я старательно пропустила мимо ушей свежие и не очень сплетни.

— Спасибо, нет. Лис, прости... за вчерашнее. Пожалуйста! Ты не держишь на меня зла?

— С чего бы? — старательно пряча обиду, дабы не портить прекрасное настроение в первый рабочий день, любопытствовала я.

Бросила немного грустный взгляд на свой несостоявшийся завтрак и, подхватив рабочую сумочку, вышла в коридор.

— Я обещал тебе зайти вчера вечером...

— Ах, оставь! Зато я прекрасно выспалась и отдохнула, вместо того чтобы погулять по городу и поужинать в компании, а не в одиночестве.

Как-то невпечатляюще началась моя столичная жизнь.

Но черт с ним! Я приехала работать, в конце концов.

— Правда?! — робко уточнил Стефан.

— Кристально чистая, как моя совесть! — улыбнулась я, направляясь к своему рабочему месту. — К тому же я связалась с Кейт, и мы в выходной собираемся прогуляться по магазинам. К слову, он здесь, как и везде? Я пока ничего не знаю...

— Да! Суббота и воскресенье — выходные, — повеселев и, похоже, решив, что я на него действительно не держу зла, принялся пояснять Стефан. Наивный. Я просто не придумала, как ему отомстить. Пока... — Но раз в месяц, возможно, придется поработать и в выходные. Обычно остаются один-два человека и принимают заказы на неделю вперед. Непосредственно с артефактами работать не нужно. Исключительно бумажная работа.

Ну, меня это вполне устраивает. Одни выходные записывать заказы — не такая уж проблема.

— Хорошей работы! — улыбнувшись, пожелал он у самой двери в мастерскую. — И если что, на твоём столе есть артефакт связи. Там же и список дел на сегодня, и заказы, которые ты имеешь право принимать. Пока тебе не доверят изготовление особых артефактов, но чистку можешь брать смело. В будни заказы принимают и распределяют администраторы по работе с клиентами. А вот особых заказчиков принимает дядюшка

лично. Вот тебе бейдж, — протянул он мне золоченую табличку с моим именем и должностью, — он же пропуск в мастерскую и допуск к расходникам. Ладно, будет еще время все тебе рассказать. Сегодня я все же планирую исправиться и повести тебя на прогулку в город. Удачи!

— И тебе хорошей работы! — улыбнулась я в ответ.

Планирует он... Ну пусть себе планирует. У меня свои планы на этот вечер.

Что ж... К работе!

«Рабочий день окончен. Спасибо за ваш труд и до завтра», — поблагодарил меня небольшой будильник на краю стола совершенно бесцветным, лишенным эмоций голосом.

— Что, уже? — удивилась я, взглянув на него так, словно он и правда мог мне ответить.

Кажется, Стефан был абсолютно прав, предрекая, что мне придется напоминать о необходимости есть и спать.

Я бросила раздосадованный взгляд на неоконченную заготовку и сунула пинцет в один из кармашков несессера с моими личными инструментами, которые папенька подарил мне после первой успешно сданной сессии. И пусть друзья и сокурсники давно намекали, что родственных связей с инструментами я не имею и могу успешно заменить их на новые, получше, мне не хотелось даже думать ни о чем таком. Руки привыкли именно к этим, и стоило взять пинцет или ригель, и я тут же вспоминала о доме, о папе... и о том, что жутко не хочу замуж. И, дабы не случилось ничего непредвиденного, нужно работать.

«Можете оставить инструменты здесь, — разрешил мне все тот же голос из будильника. — Кроме вас, все равно никто не войдет в вашу мастерскую».

Вот как?! Прекрасно. Пусть дамская сумочка и облегчена, и объем ее давно увеличен настолько, что поместился бы и экипаж, но искать потом нужную вещь в этом бедламе... А так красота! Только очки захватила. На досуге поразгадываю плетение полусферы в своих апартаментах.

В общем, оставив инструменты и не дожидаясь Стеффана, я выскользнула из мастерской и чуть не бегом побежала в свою комнату.

Наскоро переодевшись и приведя себя в относительный порядок, прихватив с собой часть денег, выделенных мне на проживание, и натянув перчатки, призванные оберегать главный инструмент артефактора — руки, я отправилась туда, куда мечтала попасть вот уже пять лет, после первого рассказа Кейтлин, с особым придыханием и блеском в глазах.

Я отправилась в Большой сальборнский театр.

О! Говорят, нет ничего восхитительней театра. Игры актеров, величественности и вдохновения, царящих в его стенах. И сегодня я намеревалась в этом убедиться.

Уже трясаясь в наемном экипаже, я разглядывала улицы столицы, отмечая чистоту и изумрудную зелень, идеально ровные тротуары и гроздья рябины, винограда и еще невесть чего на шляпках столичных дам. Я и правда выглядела не лучшим образом на их фоне, безнадёжно отстав от моды.

Ну и ладно! Главное — красивая душа, а не платье, говорил мне отец.

Оно, может, конечно, и главное, но почему-то на душу всегда обращают внимание в последнюю очередь.

С другой стороны, переживать вряд ли есть смысл — меня все равно никто не знает.

Это осознание немного успокоило и примирило с моим чересчур длинным, будничным коричневым платьем самого простого фасона.

— Сто-о-о-ой! — зычно скомандовал возница, чем выдернул меня из терзаний, встряхнув так, что я едва не перелетела на противоположное сиденье. — Приехали, мисс!

Я поправила болеро, шляпку и, подхватив сумочку, выбралась из экипажа.

— Большое спасибо! — кивнула я, протянув несколько медяков.

— И вам хорошего вечера!

Ну вот! «Здравствуй, мечта!» — едва сдерживая благоговейный трепет и сохраняя лицо, дабы не выдать в себе провинциалку, мысленно поздоровалась я.

Театр выглядел точно так, как его описывала Кейт, — внушительное здание из белого камня с крышей-куполом, украшенной статуями и лепниной. Ступени, поднимающиеся к трем аккуратным аркам, и цветные витражи. Все выглядело гармоничным и невероятно красивым.

Наверное, удержать лицо все же не удалось. Я потянула носом горячий вечерний воздух. Запах был не очень яркий, но приятный — нагретого камня с нотками кофейного напитка. А значит, где-то рядом можно и чашку кофе выпить.

За спиной прогрохотал один экипаж, остановился другой, а я все восхищалась искусством архитекторов и наслаждалась сочетанием запахов...

— Вы долго собираетесь из себя статую изображать? — раздраженно поинтересовались за спиной, и я порывисто обернулась, едва на потеряв равновесие от неожиданности.

Из дорогого, явно не наемного экипажа выглядывал довольно красивый темноволосый мужчина лет тридцати, сверля меня злым и возмущенным взглядом.

— Вы мне мешаете! — пояснил мужчина, цедя скудные слова сквозь зубы.

Я, скорее от неожиданности и выплеска чужого негатива, сделала шаг в сторону, и он незамедлительно прыгнул на землю. Неизвестный господин оказался на голову выше меня, гладко выбрит и сероглаз. Поправляя манжеты, он окинул меня таким взглядом, что захотелось умыться, и желательно с мылом. Но я вовремя вспомнила, что девушка, и вздернула подбородок, чем, кажется, удивила мужчину.

— Вас не учили манерам, мисс?! — поинтересовался незнакомец и, не дождавшись от меня и намека на понимание, пояснил, как умственно отсталой: — Вам не мешало бы извиниться!

— Правда? — искренне удивилась я. — А мне казалось, вы могли бы покинуть свой экипаж метром дальше, а не пугать незнакомого человека!

— Это исключено. Все знают, что это место — мое.

— Получается, не все, потому как я понятия не имела, что это место принадлежит совершенно неизвестному мне господину, пожелавшему учить меня манерам. Притом позабыв о собственных и не изволив извиниться перед девушкой.

Лицо мужчины приобрело такое выражение, словно придорожный столб вздумал учить его уму-разуму, а не живой человек.

— Простите, это вы сейчас мне серьезно говорите?

— А разве похоже, что я шучу?

И вот теперь он меня немного напугал, потому как лицо его стало точь-в-точь как у каменной статуи. Ну почти. Разве что на щеках заходили желваки.

Странный тип какой. Может, ненормальный?

— Оставь, Джереми! — томно протянул из экипажа мелодичный женский голос, а затем показалась красивая рыжеволосая девушка в шляпке, украшенной гроздью винограда. — К чему обращать внимание на всякое...